
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ФЕОДАЛЬНОЙ СЕРБИИ (ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ) (Часть 2. Начало в № 6 2001 г.)

---

3. Дееспособность физических лиц. Дееспособность нельзя отождествлять с правоспособностью. Правоспособность — это необходимая предпосылка дееспособности, поскольку она является признанной законом возможностью для лица быть носителем прав и обязанностей. Дееспособность — это способность совершать правовые сделки. Хотя точного разграничения понятий “правоспособность” и “дееспособность” в источниках сербского средневекового права не установлено, но они содержат сведения, позволяющие не отождествлять правоспособность и дееспособность.

Ограничения дееспособности, согласно сербскому феодальному праву, устанавливались в зависимости от возраста, семейного положения, состояния здоровья (наличие или отсутствие душевных болезней) и т.д.

Сербское феодальное право не устанавливало определенного возраста, с достижением которого наступала бы полная дееспособность. Однако имеющиеся в нашем распоряжении источники, которые свидетельствуют о возрасте вступления во владение собственностью членов правящего дома Неманичей, позволяют приблизиться к разрешению вопроса. Так, Дементиан в хронике “Жизнь святого Симеона и святого Саввы” свидетельствует, что Савва (родной брат первого короля сербов Стефана Первовенчанного, который стал главой сербской православной церкви — В.Е.) жил в родительском доме до семнадцати лет [5, 121]. Другой средневековый автор Феодосий уточняет, что родители желали женить Савву в возрасте семнадцати лет [цит. по 3, 135]. Из этого следует, что в жизни Саввы брачное совершеннолетие и вступление в собственное владение стали одновременными событиями. Примечательно в этой связи, что в Древнем Риме периода республики (Законы XII таблиц) правоспособность приобреталась с достижением брачного совершеннолетия (*pubes* от гл. *pubesco*, т.е. стать *способным к деторождению*). Однако к началу XV в. действующие традиции юридического быта в отношении господствующего класса начинают изменяться. Широкое применение в сербском феодальном обществе в указанный период получили некоторые нормы, заимствованные из византийской “Эклоги”. В частности, возрастной ценз, требуемый для заключения различных правовых актов (бракосочетание, завещание, получение приданного и т.д.). Согласно “Эклоге” вступление в брак обуславливалось достижением 15-летнего возраста для мужчин и 13-летнего — для женщин (“Эклога”, титул II, ст. 1; славянская “Эклога”, титул II, ст. 1). Совершеннолетие в указанный период начало определяться не брачным возрастом, как ранее, а конкретным возрастным цензом, а именно, четырнадцатью годами. Подтверждением этому является конкретный фактический материал. Так, племянник великого воеводы Сандала, Стефан Вукчич Косач из рода Храничей, принимая от дубровчан в 1438 г. богатый вклад,

сделанный дядей Сандалом на его имя, оставил часть этого вклада в Дубровнике на имя своих сыновей, князя Владислава и Влатка, с условием, что этот вклад будет там оставаться пока князьям не исполнится 14 лет [6, 394]. Не только несовершеннолетие, но и душевная болезнь вела в соответствии с титулом V, ст. 1 “Эклоги” к признанию лица недееспособным. Душевнобольной, по сербскому феодальному праву, не мог составлять завещания.

Есть основания полагать, что подвластные члены семьи, по сербскому феодальному праву, также не пользовались полной дееспособностью. Титул V, ст. 1 “Эклоги” гласит, что подвластным членам семьи запрещается завещать что-либо, кроме своих личных вещей. Это постановление отражает общий принцип сербского феодального права. Значит, трактовать его надо расширенно. Отсюда следует, что указанная категория членов семьи не могла не только завещать, но и заключать правовые сделки, кроме тех, что касались их личного имущества. Подобные ограничения распространялись и на членов задруги, так как они также являлись недееспособными, поскольку их имущество было менее значительным, чем у многих из подвластных членов индивидуальной семьи.

4. Юридическое лицо. Понятие “юридическое лицо” было доступно для жителей средневековой Сербии с древнейших времен. Это связано с тем, что главнейшими субъектами сербского права были семья, семейная община, церковь и город. Личность как физическое лицо в Сербии того времени крайне редко становилась собственником имущества. Это случалось, если умирали все близкие родственники или по каким-либо причинам прекращала свое существование семейная община (задруга). Поэтому понятие “юридическое лицо” для сербов периода средневековья было даже доступнее, чем понятие “правоспособность физического лица”. Следовательно, не случайно в содержании постановлений “Законника Стефана Душана” отражено понятие юридического лица, хотя это сделано не конкретно и даже расплывчато. Даже вернее сказать, что в “Законнике Стефана Душана” присутствуют отдельные критерии этого понятия, как семейная община, село, город и жупа (округ — территориально-административная единица сербского средневекового государства — *В.Е.*).

Семья и семейная община являются субъектами семейного права. Они станут предметом особого разговора. Говорить о юридическом лице в эпоху феодализма можно на примере рассмотрения важнейшего института общества и государства периода средневековья — церкви. В то время она была собственником значительных земельных владений (имений). Есть веские основания полагать, что в средневековой Сербии церковь была таким же субъектом права, как властелин (феодал) или государь. Ст. 128 ходашского списка Законника Душана гласит: “Назначается наказание, равное с царскими ослушниками, церкви, властелину или кому бы то ни было в государстве за неповиновение царскому судье” [3, 157]. Значит, церковь как юридическое лицо, по мнению законодателя, могла совершать преступления и, соответственно, подлежала наказанию за них. Возникает вопрос, считал ли сербский законодатель периода средневековья церковь юридическим лицом, единой организацией общегосударственного характера, или под данным понятием следует рассматривать отдельные церковные приходы и монастыри как самостоятельные субъекты права. На этот вопрос есть ответ в ст. 31 “Законника Стефана Душана” “О суде церковных людей”. В ней говорится, что лица, представляющие различные церковные приходы или монастыри, должны судиться общим судом, который представляет различные тяжущиеся стороны. Следовательно, законодатель предполагает обособленное имущество церковных приходов и монастырей. Постулат о том, что монастырь есть совершенно самостоятельный субъект права, впервые сформулировал и ввел в законодательство Святой Савва. В написанном им Уставе (типике) Хиландарского монастыря красной нитью проходит положение, отражающее воззрение своего времени. А именно, Хиландарский монастырь и все принадлежащие ему недвижимые владения (имения), считались собственностью Богородицы, представителем которой был игумен. Как представитель он имел ограниченные права, т.е. не мог передавать имущество своим родственникам, друзьям или оставлять себе. Если появлялась необходимость в ведении строительных и ремонтных работ, реставрации книг и икон, игумену следовало действовать, заручившись поддержкой всей старшей монастырской братии (монахов). Кроме того, сформулированное еще Святым Саввой положение Устава монастыря требо-

вало от всех без исключения должностных лиц ведения книги прихода и расхода. Поэтому не случайно, что в Хрисовулах, выданных Жичанскому, Грачаницкому, Хиландарскому, Студеницкому и ряду других монастырей, еще в 20-х гг. XIII в. верховная власть страны запрещала подчинять их в имущественном отношении как светским, так и церковным властям [6, 13, 14, 18]. Это и есть прямое признание за монастырем статуса юридического лица.

Представителем монастыря как юридического лица был игумен, а церковь как единую организацию в масштабе Сербского феодального государства представлял архиепископ, позже ставший патриархом. На это указывают ст. 33 призенского и ст. 37 бистрицкого списков “Законника Стефана Душана”, согласно которым все монастырское имущество предоставлялось в распоряжение игуменов, которые должны управлять им по закону и справедливости. Церковное имущество вне монастырской юрисдикции находилось в пользовании представителей высшей духовной иерархии. Об этом свидетельствует хрисовул Стефана Душана, выданный монастырю Михаила и Гавриила близ Призрена, где есть упоминание о крестьянах призенского митрополита, живших на монастырских землях [7, 170]. Однако эту категорию субъектов хозяйствования юридическими лицами считать нецелесообразно. Они не отвечают характерным для данного понятия критериям.

Правовые источники свидетельствуют, что сербские средневековые города также обладали статусом юридического лица. Например, в 1230 г. сербский король Радослав подтвердил положения хрисовула, выданного королем Георгием, о том, что г. Котору пожалованы земли на вечные времена. В 1351 г. Стефан Душан подтвердил положения грамот, выданных его предшественниками [6, 151]. Факт владения городской общиной недвижимой собственностью налицо. Однако остается невыясненным юридическое положение горожан. Более детальный ответ на поставленный вопрос вытекает из содержания хрисовула Стефана Лазаревича, пожалованного г. Белграду в начале XV в. Королевская грамота, скрепленная золотой печатью государя, даровала горожанам освобождение от всех повинностей и жаловала льготы на ведение торговли в стране и за ее пределами [цит. по 3, 87]. Это позволяет утверждать, что и более ранние грамоты сербских королей устанавливали привилегии для жителей городов средневековой Сербии и освобождали их от налогов и повинностей.

Так, ст. 125 призенского и ст. 119 бистрицкого списков “Законника Стефана Душана” указывают на то, что даже завоеванным греческим городам хрисовулом сербского царя Стефана Душана было гарантировано сохранение их недвижимой собственности. Кроме того, ст. 117 раковецкого и ст. 138 призенского списков “Законника Душана” “О хрисовулах” запрещали даже верховной (царской) власти нарушать юридические нормы, которые закреплены в постановлении указанных статей. Так, указанные статьи “О хрисовулах” гласят: “Хрисовулы моего царского величества, что дарованы городам моего царства, что в них написано, да не вольны того нарушать в них ни господин царь, ни кто-либо другой. Да будут тверды хрисовулы”.

Характерной чертой юридического лица является наличие у него правоспособности. О наличии данной правовой категории у сербского средневекового города свидетельствуют ст. 121 бистрицкого и ст. 127 призенского списков “Законника Стефана Душана” с единым названием “О городской земле”: “Городская земля, что около города, что на ней будет ограблено или украдено, все то да платит округа”. Таким образом, город признается самостоятельным субъектом права. Вместе с тем, остается нерешенным существенный вопрос теории и практики. Какой юридический институт представлял город как юридическое лицо?!

Литература

1. Душанов законик: бистрички препис / превео Д. Богданови . Београд, 1994.
2. Српска льтопис. 1859. Т XXXIII. Кн. 99.
3. *Зигель Ф.* Законник Стефана Душана. СПб., 1872.
4. Животи краљева и архиепископа српских написао архиепископ Данило и други. Загреб, 1866.
5. Живот светога Симеуна и светога Саве написао Доментијан. Београд, 1865.
6. Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii ed Fr. Miklosich. Viennae, 1858.
7. Хрисовуль Душана монастырю архангеловъ Михаила и Гавриила близъ Призрьна // Синанпаша. Биоград, 1865.

(Продолжение в следующем номере).